

«Ваша банда раздражает»

Репрессии в Карелии ударили по тем, кто пытался
защитить память о Сандармохе

Сандармох. Фото: Анна Артемьева / «Новая газета»

07:05, 1 августа 2025,

Валерий Поташов*

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ПОТАШОВЫМ ВАЛЕРИЕМ
НИКОЛАЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ПОТАШОВА ВАЛЕРИЯ
НИКОЛАЕВИЧА.

Ранним январским вечером 2017 года на главную улицу Петрозаводска вышла группа людей с плакатами «Свободу историку Юрию Дмитриеву!» и «Не допустим повторения Сандармоха!». В этот день карельскому исследователю сталинских репрессий и человеку, нашедшему едва ли не самое известное в России место расстрелов Большого террора в урочище Сандармох, исполнился 61 год, но Юрий Дмитриев встретил дату в следственном изоляторе. Его арестовали по обвинению в изготовлении детской порнографии с участием приемной дочери, однако ни друзья, ни соратники по правозащитной деятельности не поверили силовикам и в день рождения Дмитриева решили провести серию одиночных пикетов неподалеку от СИЗО — в знак солидарности с арестованным товарищем.

Имена пикетчиков в тот же вечер взяли на карандаш. А спустя несколько лет почти ко всем участникам группы поддержки Дмитриева возникли претензии со стороны правоохранительных органов. Кого-то осудили по уголовным статьям, кого-то пытались оштрафовать, кого-то стали задерживать и привозить на беседы, а саму группу в ФСБ не стеснясь обозвали бандой.

Наступление на Сандармох

В апреле 2018 года судья Петрозаводского городского суда Марина Носова вынесла оправдательный приговор по обвинению Юрия Дмитриева в изготовлении детской порнографии, и мы успели повидаться с ним до нового уголовного дела. На мой короткий вопрос «за что?» Дмитриев ответил так же коротко: «За Сандармох».

Юрий Дмитриев в суде. Фото: Валерий Поташов

«Сандармох сегодня — это поразительное место, где мы знаем всех людей, которые здесь были убиты более 80 лет назад, мы знаем всех палачей, которые расстреливали этих людей. И память об этих людях не стала прошлым. Это наша сегодняшняя память, как будто не было этих 80 лет, и об этих людях и их убийстве мы помним, как будто это произошло сегодня», — рассказала мне в одном из интервью в Сандармохе соратница Юрия Дмитриева по «Мемориалу» * из Санкт-Петербурга Ирина Флиге.

Как считает правозащитница, нынешняя российская власть оказалась «наследницей тех способов диалога со своим народом и тех ценностей, которые проповедовала советская власть».

«Что для советской власти, что для нынешней российской власти аксиомой является право на убийство. Права человека на жизнь для нее не существует. Государственные интересы для

власти важнее человеческой жизни. И вот это право на уничтожение, право на насилие, право на подавление любых прав и свобод — все это в крови у нынешней власти, и поэтому убитые здесь 80 лет назад люди как будто убиты сегодня», — сказала Ирина Флиге.

Неудивительно, что

когда власть выходцев из органов госбезопасности в стране окрепла, им понадобилось уничтожить неудобную память о репрессиях.

В Карелии для этого нашлись историки из Петрозаводского университета Сергей Веригин и Юрий Килин, которые в 2016 году — незадолго до ареста Юрия Дмитриева — выдвинули «гипотезу» о том, что в Сандармохе могут лежать останки пленных красноармейцев, расстрелянных финнами во время оккупации Карелии в Великую Отечественную войну.

«Наступление на Сандармох, идущее уже почти десятилетие, органически вписывается в последовательное наступление на «Мемориал» в масштабах страны, — полагает карельский историк Илья Соломещ, который живет сейчас в Литве. — Урочище Сандармох как место памяти со сложившейся традицией поминовения жертв сталинских репрессий со временем переставало вписываться в меняющиеся каноны исторической политики государства, политики, направленной на установление государственной монополии на историю и, соответственно, на историческую память.

Пикет в поддержку Юрия Дмитриева. Фото: Валерий Поташов

«Научная гипотеза» двух петрозаводских историков о том, что в Сандармохе наряду с жертвами сталинского террора могут находиться тела убитых финнами пленных красноармейцев, обернулась мыльным пузырем, что, судя по всему, не сильно смутило ее авторов. Они, насколько мне известно, даже не удосужились прокомментировать ситуацию, приведшую к глумлению над останками покойных.

История с Сандармохом показала, в частности, насколько подвижны этические нормы у некоторых коллег. К последовательным сталинистам вопросов нет: убеждения есть убеждения. Другое дело — историки и журналисты, еще недавно активно участвовавшие в международных проектах, ездившие на международные конференции за счет принимающей стороны. Их стремительное превращение в ревностных охранителей суверенной истории вызывает, пожалуй, антропологический интерес».

Как отметил Илья Соломещ,

в последние два десятилетия историческая политика вновь, как и в советские времена, все больше превращалась в инструмент идеологии и пропаганды, нацеленный на блокирование демократических институтов, зарождавшихся с конца 1980-х, но так до конца и не сформировавшихся.

«В 2010-е годы речь уже идет о конструировании образов внешней и внутренней угрозы и врагов. Сегодняшняя ситуация — закономерный итог процессов, начавшихся не вчера и не позавчера», — констатировал историк.

Наказать за память

Очевидно, что Юрий Дмитриев, который сам держал в руках останки расстрелянных в Сандармохе и читал их приговоры, мешал «гипотезе» Веригина и Килина. И карельскому исследователю сталинских репрессий «нашли» уголовную статью, которая перечеркнула бы все, что он успел сделать для восстановления памяти о жертвах Большого террора. Но те, кто стал выходить в Петрозаводске на пикеты в поддержку арестованного Дмитриева, несли плакаты, которые оказались для власти не менее опасными, чем голос исследователя: «Не допустим повторения Сандармоха!» и «Нет реваншу НКВД!». И группа поддержки Дмитриева сама попала под удар силовиков.

Первую попытку прижать петрозаводских активистов наследники НКВД предприняли в 2019 году, когда полицейские решили привлечь к административной ответственности участников акции «Немцов мост». Она проходит в карельской столице ежегодно 27 февраля — в день убийства российского оппозиционера Бориса Немцова — на небольшом мосту через

реку Лососинку. Участники акции приносят на мост портрет погибшего политика и кладут к нему цветы и свечи. Почти все, кто собирается на «Немцов мост» в Петрозаводске, входят и в группу поддержки Юрия Дмитриева.

Немцов мост в Петрозаводске. Фото: Валерий Поташов

В 2019 году участников акции неожиданно вызвали в полицию — как выяснилось, для составления протокола по ч. 2 ст. 20.2 Кодекса об административных правонарушениях РФ «Нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». Причем повестки жителям Петрозаводска, почтившим память погибшего политика, пришли спустя более чем неделю после того, как активисты собрались с цветами и портретом оппозиционера на местном «Немцовом мосту».

Как отмечал покойный ныне Андрей Оборин, который вместе со своей женой Тамарой стал первым в Петрозаводске выходить к мосту через Лососинку в память о Борисе Немцове, на эту акцию обычно приезжала полиция, но никаких претензий у силовиков к активистам до сих пор не возникало. В феврале 2019-го полицейских на мосту не оказалось, и тем удивительнее, что они так рьяно захотели наказать собравшихся.

Выдвинутые против активистов обвинения выглядели совершенно абсурдными.

«Мы стоим на том, что никакого публичного мероприятия не было как факта, как не было у него никаких организаторов, — заявила тогда участница группы поддержки Дмитриева Тамара Оборина-Спектор. — За что нас хотят привлечь к административной ответственности? За то, что мы пришли на мост, сфотографировались и разошлись. Представим себе, что то же самое сделали, например, гости города. Пришли куда-то, сфотографировались, выложили фото в соцсетях и получили повестку, что они провели публичное мероприятие и что-то при этом нарушили. Совершенно аналогично, однако наш случай рассматривается как административное правонарушение, а все остальное — как обычная человеческая жизнь. Но то, что мы сделали, — тоже часть обычной человеческой жизни».

Примечательно, что даже в Петрозаводском городском суде, куда были направлены полицейские протоколы об административном правонарушении против участников акции «Немцов мост», понимали абсурдность этого дела. Выдвинутое обвинение ожидаемо развалилось, а часть протоколов даже не дошла до судебного разбирательства. Но карельские силовики учли свои ошибки и к новому делу против участников группы поддержки Дмитриева подошли более подготовленными.

«Папочка» за пикет

«Впервые я вышел на пикет в поддержку Юрия Дмитриева летом 2019 года, когда оправдательный приговор отменили и Юрия арестовали по новому обвинению, — вспоминает петрозаводский активист Алексей Чесноков. — Встал с плакатом у галереи городов-побратимов напротив гостиницы «Северной». Ко мне подъехал сперва наряд ДПС, потом ППС, проверили документы, но за одиночные пикеты тогда еще не задерживали. А вечером мне позвонил знакомый адвокат и сказал буквально следующее: «Я тут мимо проезжал, видел вас с плакатом на проспекте Ленина. Хочу вам сообщить, что на вас сегодня завели папочку на улице Андропова» (на этой улице в Петрозаводске располагается республиканское управление ФСБ. — В. П.).

Алексей Чесноков. Фото: Валерий Поташов

Через несколько месяцев сотрудники госбезопасности и Следственного комитета вломились в квартиру, где проживает семья Чеснокова. У гражданского активиста был устроен обыск по уголовному делу об оскорблении представителя власти. Примечательно, что следователем по этому делу оказался

Максим Завадский — тот самый, который вел в Следкоме и уголовное дело Дмитриева.

Как выяснилось, Алексею инкриминировали комментарий в соцсети, адресованный подполковнику ФСБ Алексею Репникову, который занимался расследованием дела жительницы города Медвежьегорска, обвинявшейся в публичном оправдании терроризма. В комментарии, размещенном на странице молодой женщины, подполковник ФСБ был назван неприличным словом из уголовного жаргона, но, как подчеркивает Чесноков, ему хорошо известно значение этого слова и он никогда не позволил бы себе употребить его публично. Вместе с тем Алексей признает, что оставлял комментарии на странице жительницы Медвежьегорска, но они касались выстраивания защиты по ее уголовному делу.

Гражданский активист считает, что обвинение против него было сфабриковано из-за участия в группе поддержки Юрия Дмитриева.

Силовики могли заинтересовать советы Алексея матери-одиночке из Медвежьегорска, которой инкриминировалось оправдание терроризма, а когда они установили, кто давал эти советы, то решили его показательно наказать. Политическую окраску делу Чеснокова придало и то, что свидетелем обвинения на суде против Алексея выступила пресс-секретарь карельского губернатора Артура Парфенчикова Марина Кабатюк.

Ничего по сути предъявленного обвинения она сообщить не смогла, но попыталась создать участнику группы поддержки Дмитриева максимально негативный образ. По словам Кабатюк, комментарии Чеснокова на ее официальной странице

в соцсети «носили оскорбительный характер», но поскольку не содержали нецензурной брани, то гражданского активиста не блокировали.

«Например, любая информация, которая публиковалась на моей странице, подвергалась с его стороны критике и подвергалась сомнению в формате таких выражений, что «хватит нам лапшу на уши вешать». При этом он прекрасно знал, что информация является официальной. Иногда он позволял себе некоторые оскорбительные вещи — ну, например, такие, как назвать главу Карелии «приставом», а главу города — «комсомолкой», — заявила суду Кабатюк.

Алексей Чесноков вместе с депутатом горсовета Петрозаводска Дмитрием Рыбаковым прикручивают табличку на кресте на месте захоронения останков расстрелянных, которые были эксгумированы РВИО. Фото: Валерий Поташов

Во время процесса по делу Алексея Чеснокова всплыла еще одна интересная деталь — об оскорбительном комментарии в свой

адрес подполковник ФСБ Алексей Репников узнал от бдительного гражданина из Подмосковья Данилы Михеева, который якобы и обнаружил этот комментарий на странице жительницы Медвежьегорска. Как показал потерпевший, бдительный гражданин Михеев не раз помогал правоохранительным органам своими обращениями, то есть уголовное дело против Алексея Чеснокова фактически было инициировано знакомым доносчиком подполковника ФСБ Репникова. При этом все комментарии на странице жительницы Медвежьегорска, которые фигурировали в деле, оказались удалены.

Суд над Алексеем Чесноковым продолжался полтора года. В итоге гражданский активист был признан виновным в оскорблении представителя власти и оштрафован на 20 тысяч рублей, но из-за истечения срока привлечения к уголовной ответственности освобожден от наказания.

«Напугать меня чем-то сложно. Скорее всего, это была месть, — считает Алексей Чесноков. — Ах, вы Дмитриева поддерживаете, которого мы хотим посадить? Значит, нужно разгромить всю группу! Думаю, что команда на арест Дмитриева была из Москвы. И то, что стали громить группу поддержки Дмитриева, было сигналом другим, чтобы не смели идти против Путина».

«Непереработанный пласт ужаса»

Акции группы поддержки Юрия Дмитриева — будь то серии одиночных пикетов или походы в суд, где закованного в наручники исследователя сталинских репрессий неизменно встречал аплодирующий коридор, — постоянно вызывали раздражение силовиков. Когда в карельских судах слушалось дело Дмитриева, к ним заранее стягивали полицейские наряды, а у зала заседаний выставляли усиленную охрану приставов.

«Я шел однажды к Верховному суду Карелии, где

рассматривалась апелляционная жалоба на приговор Юрию Дмитриеву, и увидел полицейских, которые стояли вокруг здания суда. Их было много, они скопились на всех ближайших улицах, и я, проходя мимо, не мог не спросить у них: «Это вы все тут собрались из-за горстки людей, которые приходят поддержать Юрия Дмитриева?» Они ничего мне не ответили, но было понятно, что это так и было», — поделился воспоминаниями еще один участник группы поддержки Дмитриева, плотник и писатель Сергей Филенко, который осенью 2022 года был вынужден уехать из Карелии в Финляндию.

Сергей Филенко в Сандармохе. Фото: Валерий Поташов

До отъезда Сергея дважды штрафовали по административной статье о «дискредитации» российской армии за его антивоенные публикации в соцсетях, а еще раньше — за

участие в митинге в поддержку Алексея Навального. Эти штрафы писатель Филенко не связывает напрямую со своим участием в группе, но полагает, что на него могли точить зуб после того, как в феврале 2020 года он пришел на презентацию пропагандистской книги «Загадки Сандармоха», одним из авторов которой выступил историк Сергей Веригин, и устроил ему обструкцию.

«Зачем вы вписались в эту вонючую и грязную историю?» — прямо спросил активист у тех, кто придумал «научную гипотезу» о якобы расстрелянных в Сандармохе красноармейцах. По выражению Филенко, эта книга была написана «с точки зрения палачей НКВД, которые хотят все замазать и наврать», а такие слова не забывают.

«Сандармох — это непереработанный пласт ужаса, который мы так и не пережили.

На севере Норвегии я видел мемориал сожженным «ведьмам» — местным жителям, которых несколько столетий назад обвинили в колдовстве и отправили на костер. Норвежское общество переосмыслило эту трагедию, а мы никак не можем покаяться за то, что происходило и происходит в нашей стране. Это все должно возвращаться и переосмысливаться», — уверен плотник и писатель Филенко.

Еще одним заметным участником группы поддержки Юрия Дмитриева является его давний друг, географ и украинский активист Андрей Литвин. На День памяти жертв Большого террора, который ежегодно проходит в Сандармохе 5 августа, украинец Литвин приезжал с национальным флагом. Так было до 2023 года, но после очередных поминальных мероприятий к Андрею на работу явились трое сотрудников ФСБ и увели его в служебную машину.

Андрей Литвин на пикете в поддержку Юрия Дмитриева. Фото: Валерий Поташов

По дороге они заехали к гражданскому активисту домой и потребовали отдать им сотовый телефон и ноутбук, а также украинский флаг, с которым Литвин приезжал в Сандармох, и все украинское, что у него было. Андрею пришлось выдать непрошенным гостям свою вышиванку.

После этого Литвина привезли в Управление ФСБ по Республике Карелия на улице Андропова, где с гражданским активистом стал общаться еще один сотрудник в штатском, который, по предположению Андрея, был каким-то начальником. Ни он, ни кто-либо другой из сотрудников ФСБ при этом свою фамилию не называл, но в разговоре «начальник» признался, что он «недавно из Волгограда», где «навел порядок», и «наведет его в Карелии».

Как рассказал Литвин, ему весьма ясно дали понять, чтобы он прекратил свою гражданскую активность.

«Ваша банда раздражает», — прямо заявил Андрею чекистский начальник. После этой беседы активиста отпустили, но украинский флаг так и не отдали.

Через несколько месяцев против Литвина пытались возбудить административное дело о «дискредитации» российской армии за его появление в Сандармохе с украинским флагом, но срок давности по этой статье к тому времени уже истек, и от Андрея отстали. Правда, ненадолго: утром 5 августа 2024 года к нему в квартиру стали ломиться неизвестные. Открывать активист не стал, но от поездки в Сандармох ему пришлось отказаться. У дома Литвина весь день дежурили люди в штатском.

Их познакомил Сандармох

В числе тех участников группы поддержки Юрия Дмитриева, которые попали в последние годы под уголовное преследование, оказалась и ветеран правоохранительных органов Татьяна Савинкина. С Дмитриевым они были знакомы еще с 90-х, когда Савинкина стала заниматься в республиканском МВД реабилитацией репрессированных.

«Это были дела жителей Карелии, осужденных в основном в 1937–1938 годах по 58-й статье (*статья о контрреволюционной деятельности в Уголовном кодексе РСФСР, отмененная в 1961 году.* — В. П.). Может, еще тогда я и заразилась этой справедливостью, потому что столько читала доносов, по которым людей сажали в тюрьму и расстреливали...» — рассказывала Татьяна Савинкина в интервью «Новой газете» два года назад.

По выражению Савинкиной, их с Дмитриевым познакомил Сандармох. «Когда о нем стали рассказывать всякие гадости, я

просто не могла в это поверить, потому что знала эту девочку, ездила вместе с ними в Сандармох и видела, как они относятся друг к другу. Многим с Юрием Дмитриевым было сложно общаться, и по-настоящему я сама узнала его только тогда, когда стала писать ему письма в колонию, где он сейчас отбывает наказание. Это очень умный и думающий человек, неравнодушный к судьбам людей и страны», — отметила Татьяна Савинкина.

Татьяна Савинкина. Фото: Валерий Поташов

Ветеран МВД вставала в пикеты, приходила в суд, чтобы поддержать арестованного исследователя сталинских репрессий, и приезжала на поминальные мероприятия в Сандармох, где вместе с другими активистами читала списки расстрелянных. В 2020 году она также пришла на презентацию книги «Загадки Сандармоха», чтобы заявить ее авторам: «Мне

стыдно, что вы пытаетесь Дмитриева опорочить».

Однако в 2022 году против Татьяны Савинкиной тоже возбудили уголовное дело — о «дискредитации» российской армии.

Поводом для этого послужили две антивоенные листовки, вывешенные в многоквартирном доме, где проживает ветеран МВД. До этого Савинкину неоднократно штрафовали за такие же листовки, но сама она отказалась признать себя виновной.

«Никакой дискредитацией Вооруженных Сил я не занималась, — подчеркнула пожилая женщина в суде. — Была только боль за гибель солдат».

Татьяна Савинкина в суде. Фото: Валерий Поташов

Пока шел судебный процесс над Татьяной Савинкиной, ее соратники из группы поддержки Юрия Дмитриева приходили в суд, чтобы поддержать уже свою соратницу. В судебном

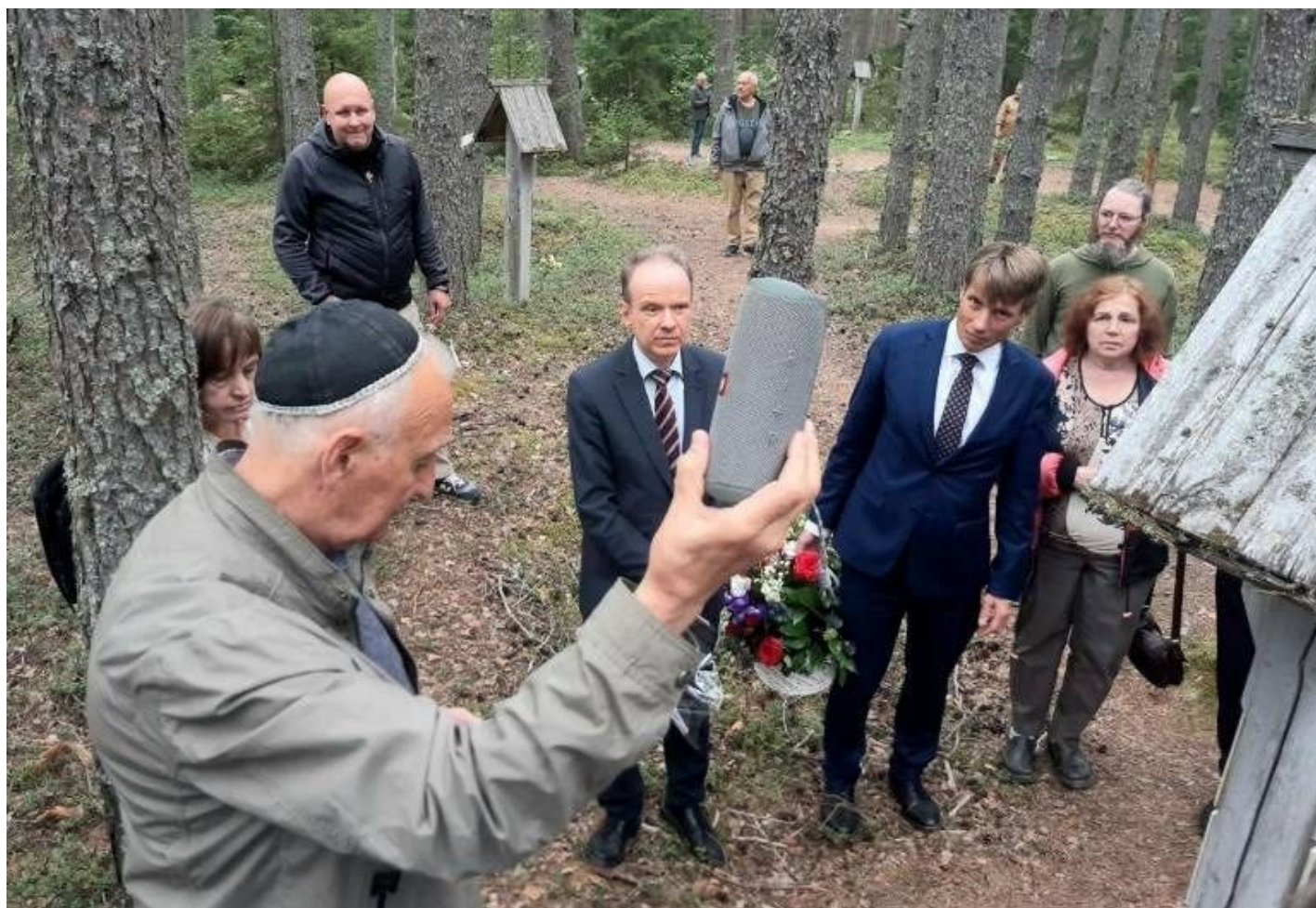
коридоре женщину неизменно встречал букет живых цветов.

В конце прошлого года судья Петрозаводского городского суда Степан Сергеев признал Татьяну Савинкину виновной по обоим эпизодам, которые имелись в уголовном деле, и назначил ей наказание в виде штрафа в размере 200 тысяч рублей. Однако выплачивать его ветерану МВД не пришлось. К тому времени истек срок привлечения ее к уголовной ответственности, и Татьяна Савинкина была освобождена от исполнения наказания.

«Каждый может попасть под жернова»

В этом году в Карелии вышла книга воспоминаний музыканта, композитора и писателя Дмитрия Цвибеля «Мое Пятикнижие». Одна из ее глав посвящена Юрию Дмитриеву и Сандармоху, и это неслучайно. За несколько лет, пока шли суды над исследователем сталинских репрессий, Дмитрий Цвибель встретил в Петрозаводске десятки, если не сотни активистов из самых разных уголков страны и из-за рубежа, которые приезжали в карельскую столицу поддержать арестованного Дмитриева. Музыкант и писатель каждый год сам участвует в Дне памяти в Сандармохе и читает имена расстрелянных.

«Всех объединяет трагедия, которая произошла в этом страшном месте, сотворенная людьми против людей, — пишет Дмитрий Цвибель в своей новой книге. — И начинается появляться осознание, что у беды нет национальности, что каждый может попасть под эти жернова, если будут закрывать глаза на творящееся зло, если позволить злу торжествовать».

Дмитрий Цвибель в Сандармохе. Фото: Валерий Поташов

Видимо, это и есть единственная причина, почему Юрий Дмитриев и Сандармох оказались настолько неудобны нынешней российской власти, что историка пришлось отправить по тяжкому обвинению в колонию, а главное дело его жизни перечеркнуть политически нужной «гипотезой», которая так и не нашла своего подтверждения и признания в научной среде. Однако и репрессии против группы поддержки Юрия Дмитриева, вставшей на защиту памяти о Сандармохе, стали частью той же государственной политики. Как и постоянные провокации против участников Дня памяти жертв Большого террора, которые провластные активисты устраивают в Сандармохе в последние несколько лет.

«Это становится особенно понятно, если видеть более широкий общероссийский контекст, — считает историк Илья Соломец. — Оставить Сандармох без Юрия Дмитриева, без негласного хранителя мемориала Сергея Колтырина (бывшего директора

краеведческого музея в Медвежьегорске, скончавшегося в тюремной больнице в 2020 году. — В. П.), превратить в обыденность отвратительные выходы «карельского казачества» и провластной молодежи в День памяти 5 августа — это ли не показатели эффективности новой исторической политики?»

Примечательно, что если к прошлогоднему Дню памяти в Сандармохе поставили стелу с упоминанием «жертв Финской оккупации» (именно так — с заглавной буквы), то нынешним летом на мемориальном кладбище появился информационный стенд, оповещающий граждан, что оно находится под охраной государства. «Установка и размещение памятных знаков, памятников, мемориалов, надгробий, надписей и фотографий запрещена», — предупреждает родственников репрессированных и тех, кто хранит память о расстрелянных сотрудниками НКВД, государственный стенд.

Наступление на Сандармох продолжается.

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Он сидит за Сандармох»](#)

Историк Анатолий Разумов о исследователе массовых казней Юрии Дмитриеве. У него сегодня день рождения. А накануне его отправили в ШИЗО

13:26, 28 января 2025, Наталья Демина